W 72/78

О УПАНИШАДАХЪ,

ИЗДАННЫХЪ ВЪ ПАРИЖѢ

Г. ПОЛЕЕМЪ.

ДОНЕСЕНІЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ Г. МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Павломъ Петровымъ.

Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія,
Т. XV, 1837, № 9, Сентябрь.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1837.

6621

2007113196

О УПАНИШАДАХЪ,

ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ ПАРИЖѢ Г. ПОЛЕЕМЪ (*).

(Донесеніе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія).

Разсмотрѣвъ, по приказанію Вашего Превосходительства, Парижское автографическое изданіе Упанишадъ, я осмѣливаюсь представить вамъ донесеніе объ этомъ полезномъ и добросовѣстномъ трудѣ Г. Полея. Но чтобы съ большею вѣрностію оцѣнить его достоинство, позвольте мнѣ сначала сказать нѣсколько словъ о самыхъ Упанишадахъ, въ отношеніи къ мѣсту, ими занимаемому въ Священной Литературѣ Индусовъ.

Комментарій Санкары на первую Упанишаду, изданную Г. Полеемъ, представляетъ въ этомъ случаѣ очень удовлетворительное объясненіе. Изъ свидѣтельства Индійскаго Философа видно, что подъ словомъ *Упанишадъ* разумѣется вообще высшая Наука, имѣющая предметомъ своимъ тотъ вѣчный, всеобъемлющій, всепроникающій духъ, который Индусы почитали начальною и конечною причиною цѣлаго мірозданія. Въ слѣдствіе этого

(*) Oupanichats, Théologie des Védas. Texte Sanscrit, commenté par Sankara; traduit en français par L. Poley. Paris, 1837, 4-to.

Упанишада называется Наукою Божественною (*брахмавидьà*), Наукою огня (*агнивидьà*) и наконецъ означаетъ всякую священную книгу, служащую предметомъ изученія. Въ этимологическомъ отношеніи, слово *Упанишадъ* почитается составленнымъ изъ предлоговъ: *упа* (при), *ни* (въ) и глагола *шадъ*, котораго главное значеніе *ослаблять, разрушать;* можетъ быть оно намекаетъ на то *уничтоженіе* себя въ верховномъ началѣ, которымъ достигается вѣчное блаженство, по мнѣнію Индійскихъ Философовъ. Изъ самаго предмета Упанишадъ видно, какое важное мѣсто онѣ занимаютъ въ Священной Литературѣ Индусовъ. Излагая Науку о Высочайшемъ Существѣ и о способахъ соединенія съ нимъ, онѣ составляютъ Богословскую часть Вэдъ и служатъ основаніемъ большей части философскихъ системъ древней Индіи. Можно почти смѣло утверждать, что онѣ по своему устарѣлому языку и неупотребительнымъ грамматическимъ формамъ составляютъ древнѣйшія книги въ Санскритской Литературѣ. Множество комментаторовъ въ самой Индіи трудились надъ объясненіемъ ихъ, и вѣроятно, что безъ ихъ помощи, Европейцы долго бы не могли проникнуть ихъ таинственнаго смысла.

Упанишадъ считается очень много, но большая часть ихъ мало извѣстна въ Европѣ. Кромѣ переложенныхъ съ Персидскаго на Латинскій Анкетилемъ-дю-Перрономъ подъ названіемъ *Упнэкъатъ*, четыре Упанишады и именно: *Катъака*, *Иса*, *Мундака* и *Кэна* были переведены на Англійскій, въ Калькуттѣ, знаменитымъ Брахманомъ Раммо-

хонъ-Ройемъ, согласно съ комментаріемъ Санкары. Двѣ изъ нихъ, *Иса* и *Кэна*, по объему своему не значительны. Ихъ текстъ былъ напечатанъ въ Парижѣ Г. Потье. Послѣдній трудъ отнимаетъ у Г. Полея право перваго издателя на двѣ вышепомянутыя Упанишады, но онъ, по моему мнѣнію, не уменьшаетъ его заслуги, потому что изданіе комментарія, необходимаго для уразумѣнія текста вполнѣ принадлежитъ Г. Полею. Я постараюсь теперь представить Вашему Превосходительству краткій обзоръ всѣхъ трехъ Упанишадъ, заключающихся въ первыхъ четырехъ тетрадяхъ.

Первая изъ нихъ, *Катъка*, есть родъ Философской Поэмы, которая въ главной идеѣ и изложеніи представляетъ нѣкоторое сходство съ Бъагавадъ-гитою. Она раздѣляется на шесть книгъ (*валлій*). Одинъ Царь, потомокъ Ваджашравы, изъ династіи Готамы, имѣлъ сына Начикэту. Благочестивый молодой человѣкъ, видя тощія жертвы, которыя Царь приносилъ небесамъ, захотѣлъ устранить несчастіе перерожденія, угрожавшее отцу его; зная, что его приношенія не угодны богамъ, онъ рѣшился пожертвовать собою для его спасенія. «Отецъ мой» — сказалъ онъ ему — «скажи мнѣ кому ты меня назначаешь? (въ подлинникѣ: *тата, касмай мамъ дасьаси*, «отецъ, кому ты меня отдашь?»). Не получая отвѣта, онъ повторилъ еще два раза тотъ же вопросъ. «Я отдаю тебя Смерти» — отвѣчалъ отецъ, раздраженный его настойчивостію. Начикэта, воспользовавшись этимъ необдуманнымъ обѣщаніемъ, убѣждаетъ Царя отправить его къ страшному Ямѣ, богу смерти.

Онъ нисходитъ въ царство мертвыхъ, но не заставъ тамъ бога, проводитъ три ночи безъ гостепріимства. Яма возвращается: Начикэтѣ, какъ Брахману, воздаютъ должную почесть, и богъ смерти простираетъ свою благосклонность до того, что позволяетъ ему просить въ награду за три ночи, проведенныя имъ безъ гостепріимства, три дара, которые онъ предоставляетъ ему на выборъ. Начикэта сперва проситъ его укротить гнѣвъ Царя и пробудить въ немъ прежнюю любовь къ сыну. Получивъ этотъ даръ, онъ простираетъ свои требованія далѣе. «Въ мірѣ небесномъ (*суаргалока*, гдѣ царствуетъ *Индра*) нѣтъ страха»— говоритъ онъ Ямѣ — «ты не простираешь туда своей власти: тамъ не спрашался старости. Тотъ, который, воспоржествовавъ надъ мірскими печалями, превозмогъ голодъ и жажду, веселится въ мірѣ небесномъ. О *Мритью* (Смерть)! ты вполнѣ обладаешь познаніемъ огня небеснаго, посредствомъ котораго небожители наслаждаются безсмертіемъ. Научи же и меня познавать его: я исполненъ вѣры (и готовъ принять твое ученіе); это второй даръ, избранный мною.»

Яма, чрезвычайно довольный желаніями благочестиваго юноши, даетъ ему истолкованіе этого огня начала міровъ (*локади*, собственно «надмірный»), который онъ въ честь ему называетъ Начикэтою, и изъясняетъ всѣ роды жертвъ и число ихъ. «Тебѣ предстоитъ еще третій даръ» — говоритъ онъ ему — «выбирай».

До сихъ поръ желанія Начикэты ограничивались міромъ видимымъ; даже и самое познаніе небеснаго

огня, посредника въ жертвоприношеніи между богами и человѣкомъ, возводитъ его не далѣе *суаргалоки*, или міра Индры. Но теперь юноша предлагаетъ Ямѣ вопросъ другаго рода.

«По смерти человѣка» — говоритъ онъ — «раждается много сомнѣній: нѣкоторые говорятъ, что онъ *есть*; другіе же утверждаютъ, что его *нѣтъ*, — вотъ Наука, которую я хочу узнать отъ тебя; это третій даръ, мною избранный.»

Яма старается отвлечь его отъ познанія этой истины, которую и самые боги въ древности не могли проникнуть вполнѣ. Онъ начинаетъ искушать его, предлагая ему мірскія наслажденія; но Брахманъ непоколебимъ и богъ смерти наконецъ соглашается объяснить эту великую тайну.

Здѣсь Яма представляетъ ему два пути, которые предстоятъ человѣку на земномъ его поприщѣ: путь спасенія (*шрэясъ*) и путь наслажденія (*прэясъ*). Первый ведетъ къ познанію Божества и вѣчному блаженству, другой низводитъ человѣка опять въ этотъ міръ. Онъ объясняетъ ему свойства того безначальнаго, вѣчнаго, непоколебимаго духа, который наполняетъ Вселенную: этого спарда (пурана), сокрытаго въ нѣдрахъ человѣческихъ, который не разрушается при разрушеніи тѣла. «Существо, само по себѣ сущее (сваямбъ-у)» — говоритъ онъ — «уничтожило чувства отвращенныя (отъ міра внѣшняго): потому-то человѣкъ видитъ только предметы внѣшніе, но не можетъ видѣть того, что находится внутри его. Когда же желаніе безсмертія одушевило мудраго, то онъ закрылъ свои взоры и углубился въ самого себя». Тамъ

только можетъ онъ найти этого духа, который подобно огню и воздуху принимаетъ на себя всѣ возможныя формы, который все разрушаетъ и все созидаетъ, который наполняетъ собою и землю и пространства небесныя. Это-то пантеистическое божество представляетъ онъ началомъ міра, изображая Вселенную и Бога подъ эмблемою вѣчнаго живаго дерева (*ашваттъá*) съ корнями поднятыми вверхъ къ небесамъ, гдѣ находится источникъ всего существующаго, и опущенными внизъ вѣтвями, (которыя образуютъ міры, произведенные верховнымъ началомъ). Избранникъ, посредствомъ созерцанія достигшій вѣчнаго Брахмы, не подвергается перерожденію: онъ навѣки соединяется съ Существомъ божественнымъ. Таковъ былъ удѣлъ Начикэты, который достигнувъ высшаго знанія, избѣгнулъ на вѣки сѣтей всесокрушающаго *Мритью* (Смерти).»

То же самое ученіе излагается въ двухъ остальныхъ Упанишадахъ: Мундикѣ и Кэнѣ. Въ первой находится любопытное раздѣленіе познаній у Индусовъ. Кромѣ высшей Науки, имѣющей предметомъ своимъ Божество, есть еще Науки низшаго разряда, которыя заключаютъ въ себѣ Вэды и Вэданги; сюда относятся: Наука о произношеніи и удареніяхъ (*Шикша*), Наука о священныхъ обрядахъ (*Кальпа*), Грамматика (*Въакàранамъ*), истолкованіе темныхъ мѣстъ въ Вэдахъ (*Нируктамъ*) Просодія (*Чъанда*) и Астрономія (*джъòтишамъ*). Далѣе говорится о жертвоприношеніяхъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ достигаетъ *суаргалоки* (рая Индры); здѣсь исчисляются семь огненныхъ

языковъ (*саптàгни—джихвà*), возносящихъ къ небесамъ пламенѣющія жертвы. Но тѣ, которые достигли міра Индры, насладившись плодами дѣлъ своихъ, должны снова возвратиться на землю, гдѣ ожидаетъ ихъ наслажденіе и страданіе; мудрый не долженъ этимъ довольствоваться: его цѣль есть достиженіе того безконечнаго духа, который составляетъ предметъ высшаго знанія. Мистическое описаніе свойствъ этого безпредѣльнаго начала составляетъ окончаніе Мундаки. Третья Упанишада называется Кэною (*Кэна* по Санскр. значитъ «кѣмъ»: это первое слово, которымъ начинается эта Упанишада), и занимаетъ не болѣе четырехъ страницъ. Кромѣ общей идеи, въ ней замѣтенъ еще родъ речитативa, состоящаго въ повтореніи нѣкоторыхъ фразъ и словъ. Это родъ Гимна, въ которомъ воспѣвается верховное пантеистическое начало міра.

Языкъ Упанишадъ во многомъ отклоняется отъ языка позднѣйшихъ произведеній Санскритской Словесности. Въ немъ не рѣдко употребляются устарѣлыя грамматическія формы, ему одному свойственныя; законы благозвучія, эта основа Санскритской Грамматики, также не вездѣ наблюдаются. Но главная его трудность состоитъ въ необыкновенной его сжатости; нѣкоторыя выраженія темны до такой степени, что безъ помощи комментарія не возможно бы было объяснить ихъ удовлетворительно. По этой-то самой причинѣ Г. Полей въ переводѣ своемъ не рѣдко дополняетъ фразы значительными выписками изъ комментарія; этотъ способъ мнѣ кажется очень

основательнымъ; при настоящемъ познаніи Индійской Философіи въ Европѣ, гораздо лучше довѣриться хорошему комментатору, нежели теряться въ предположеніяхъ, которыя можетъ быть не оправдаются въ послѣдствіи.

Но главное достоинство Г. Полея состоитъ въ изданіи комментарія Санкары. Этотъ знаменитый Индійскій Философъ жилъ, какъ полагаютъ, въ девятомъ столѣтіи по Р. Х., въ Карнатикѣ, и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ гонителей Буддизма. Его комментарій есть превосходное пособіе для уразумѣнія священныхъ книгъ Индіи. Онъ объясняетъ каждое слово синонимами, разлагаетъ составныя на ихъ начала и не рѣдко дополняетъ подлинникъ тамъ, гдѣ онъ становится слишкомъ неяснымъ. Вступленія, находящіяся въ началѣ каждаго комментарія, чрезвычайно любопытны, какъ небольшіе образчики Санскритской философской прозы, гдѣ вполнѣ обнаруживается богатство этого прекраснаго языка. Сличеніе между собою подобныхъ текстовъ очень важно въ филологическомъ отношеніи: оно доставитъ Европейскимъ Оріенталистамъ легчайшее средство короче ознакомиться съ Индійскою философскою терминологіею.

Позвольте мнѣ теперь обратить вниманіе Вашего Превосходительства на наружное достоинство изданія. Г. Полей подалъ прекрасный примѣръ Европейскимъ Оріенталистамъ, прибѣгнувъ къ помощи автографіи. Его буквы ни сколько не похожи на тѣ, которыя такъ сильно оскорбили разборчивый вкусъ Шлегеля въ Хрестоматіи От-

мара Франка. Многія страницы истинно прекрасны въ каллиграфическомъ отношеніи; Авторъ замѣтно болѣе и болѣе привыкаетъ къ почерку рукописей, и я увѣренъ, что каждый безпристрастный любитель Санскритской Словесности пожелаетъ ему полнаго успѣха въ его полезномъ предпріятіи.

2007113195